

XVI. Революция во Франции.

(Liberté. 1869. № 109)

Простодушные люди обыкновенно говорят: мы сделаем то-то и то-то, когда революция вспыхнет в Париже; до тех же пор нужно ждать, потому что Бельгия недостаточно сильна, чтобы начать что-нибудь собственными силами.

Поднимайтесь же господа, революция, которую вы ждали, наступила и как спокойная волна поднимается всё выше и выше; Париж, Франция уже сошли с того места, где вы их видели какой-нибудь месяц тому назад; уровень изменился; чтобы измерить перемену, нужно смотреть не вверх, не на ту идеальную точку, на которую вы помещаете будущий, новый мир; вспомните лучше, как казалось, прочное положение французского общества и государства до выборов, и сколько, потом, было употреблено усилий, чтобы не сорваться с якоря. Взгляните на пройденное пространство, на неуверенность в движении на горизонте, застилаемом тучами; посмотрите на возрастающую опасность, на распространяющийся ввиду её ужас, помрачающий умы, в то время как самое положение дел требует твёрдой решимости; взгляните на всё это, и вам вспомнится корабль, который отдал себя на произвол судьбы и которого невидимая сила влечёт к гибели.

Эта невидимая сила, которая уже господствует и даёт себя чувствовать, есть революция. Её присутствие узнаётся по несомненным признакам: органы политической и социальной жизни парализованы; события ускользают из под власти людей, обращаются против них же самих и следуют друг за другом в совершенно другом порядке, чем предполагали; общественное мнение, уже не следует указаниям и приказаниям тех, кому оно вручило власть; напротив, оно забирает власть в свои руки и прерывает всякое сношение с этими людьми; и что особенно знаменательно, эти последние, явившиеся на свете по его же вине уже потеряли всякую силу. В каких-нибудь три недели «непримиримые» оказались ненужными и отброшены в сторону, как паразитные растения. Когда народ ни в правительстве, ни в прессе, ни в прямых своих представителях не находит истинного выражения своих желаний, он, хотя и не говорит ничего, но настолько даёт понять себя, что всё, чтобы ни делалось во имя его и чем бы не думали его удовлетворить, теряет всякое значение; когда никто не осмеливается стать над ним, и никто не в состоянии попасть в его колею, тогда, и в этом нет никакого сомнения, он сам возьмётся за своё дело; необходимость и инстинкт принудят его и никакие человеческие расчеты не помешают исполниться его судьбе.

До выборов, император Наполеон, следуя коварной политике, позволил публичные сходы, чтобы вызвать наружу страсти, скрытые в «простом народе». Буржуа, думал он, в руках которых находятся журналы, испугаются и поднимут крик; необходимость могущественной власти будет таким образом доказана; пресса, которая произвела выборы 1863 года, теперь испугается социализма, откажется от парламентских кандидатов и таким образом империя восторжествует при помощи соединённых сил реакции.

Расчёт был настолько верен, что в обыкновенное время успех был бы несомненен; да и теперь до дня выборов всё, казалось, шло как следует. Журналы, правда, не отказались от своих кандидатов, но зато тревога против социализма была всеобщая. В результате должна была выйти палата, состоявшая из чистых империалистов и из умеренной оппозиции, соединённых любовью к общественному порядку.

Но события уничтожили все эти ожидания; не только империя, но и старые умеренно-либеральные партии побиты. Сельское население верно католицизму; в городах сходы, которые должны были служить пугалом, торжествует. Чистейшая реакция или Социальная Революция, – вот какое значение получил этот день.

На следующий день император переменял тактику. До сих пор он думал, что война будет между империей и парламентаристами; против них и были выстроены батареи, теперь же он сам испугался этой социальной силы, им же самим вызванной, чтобы очистить место от старых врагов и вот он протягивает им руки и вступает с ними в заговор против неё. По его приказанию значительная часть его сторонников в новой палате, по-видимому, отделяется от него и требует конституционных реформ; расчёт опять сделан верно: левая, под предводительством Тьера и Фавра, должна будет оказать нравственную поддержку новым реформистам; она, без сомнения, отделится от радикалов и тем обессилит их, а там мир, заключённый между империей и парламентаристами, откроет новую и обширную политическую арену, в которой спокойные споры займут большинство народных представителей.

Третья партия не только будет делать своё дело не смущаемая ни право, ни левой, но даже непримиримые будут благосклонно относиться к этим эволюциям; не нужно будет никаких жертв; оппозиция исчезнет, как только заговорят о парламентских гарантиях, пресса будет аплодировать, не будет слышно ни одного протеста! ... Что же, согласна Франция, довольна она?

Но Франция молчит; такого молчания достаточно, чтобы столько ловко составленные планы рушились. Этот народ, восставший когда-то за парламентскую свободу, шумно собиравшийся, когда министерство существовало один лишний день, этот народ спокойно присутствует при возобновлении июльских порядков и даже с места не трогается при падении человека, олицетворяющего в себе, после императора, всю императорскую политику. Во всей Франции не собралось даже и двадцати человек, чтобы поаплодировать; народ видит радость своих представителей, ликование прессы и молчит! ...

Вскоре сцена снова меняется; прогнанный человек возвращается и делается президентом сената; палату, которой были так довольны, не говоря ни слова, грубо прогоняют в свою

